

Путешествия на Запад

В середине XVII в. возросшая угроза со стороны Оттоманской Порты усилила интерес Западной Европы к Русскому государству и вызвала частые сношения Москвы с Венецианской республикой, Флоренцией, а под конец XVII в. и с Мальтой. Попытки создать европейскую коалицию против Турции не были успешны, однако возникшие отношения с Италией много способствовали упрочению европейского престижа Русского государства. Глава посольского приказа Ордын-Нащокин, «умный политик» по отзывам знавших его иностранцев, много сделал для закрепления культурных связей России с Западом. Посредством вестовых писем и газет («курантов») европейские события быстро становятся известными при дворе Алексея Михайловича. Сохранились сделанные для царя выписки из голландских, немецких почтовых недельных ведомостей, из гамбургских, цесарских, краковских газет и т. д.

От посольств второй половины XVII в. дошло до нас довольно много так называемых «статейных списков» — официальных и подробных донесений послов, содержащих пространные описания церемоний, приемов, встреч и проводов, произнесенных речей. В статейных списках по преимуществу отмечается этикет, тонкости и оттенки проявленного иностранцами уважения к московскому государю. В этой, протокольной части статейные списки представляют собой поразительные документы чрезвычайной настойчивости, с которой московские дипломаты стремились поддержать честь русского царя и государства. Упорные в своих притязаниях, щепетильные в обычаях, расчетливые в издержках русские послы отразили в своих статейных списках и личные впечатления от виденного, описание «обыкностей» и диковинок европейских городов. Благодаря этим личным впечатлениям, отраженным в некоторых из статейных списков, — эти последние становились настоящими литературными произведениями — своеобразными предшественниками того литературного жанра путешествий, который впоследствии будет жить в течение всего XVIII в. и особенно разовьется в начале XIX в.

Эти личные впечатления, проникающие в статейные списки посольств, свидетельствуют не только об изменившемся отношении русских послов к иноземным порядкам, но и о новом типе самих русских дипломатов, подбираемых умелою рукою Ордын-Нащокина. Религиозная терпимость, умение объективно оценить европейский быт, отсутствие презрительного отношения к иностранцам, вместе с тем забота о том, чтобы не уронить честь Русского государства, здоровое критическое отношение к иноземным порядкам отличают русских послов второй половины XVII в. Вкусы и

интересы москвичей этого времени оставили значительные следы в содержании статейных списков.

Многое из того, что задумывалось на Москве,— разведение красивых садов, устройство театра, заведение органной музыки или новой обстановки, открытие больниц, устройство каменных мостовых, фонарного освещения и т. д.,— сказывалось в особенно пристальном внимании послов именно к этим сторонам европейского быта.

Один из наиболее ранних статейных списков, живо отразивших впечатления послов от иноземных стран, относится к 1659 г. и принадлежит посольству Василия Лихачева.

Лихачев с многочисленными спутниками (28 человек) выехал из Архангельска в непривычное для москвичей длительное морское путешествие на английском корабле. Послы обогнули Европу и, нигде не останавливаясь, прибыли в Ливорно. По дороге умер Тимофей Топорковский — переводчик с итальянского языка; волною снесло «во мгновение ока» «работного человека»; бурей проломило у корабля «скулу»; несколько раз угрожали турецкие корсары. Уже в виду Ливорно, корабль трепала буря, и морская вода «рядом лилась» на корабельные палубы. «Корабельные деревья [мачты] все переломало и к воде клонило; по кораблю ходить стало нельзя, веревками перевязывались; а с корму в казенку [каюту] вода врывалась».

Впечатления от Ливорно скупо отражены в статейном списке. Сказано лишь, что город «безчисленно строен и люди тщательны». Более подробно описана его гавань, в которой послам пришлось задержаться на корабле довольно долго. Пространно описано пребывание послов во Флоренции. Центральное место в этом пребывании составлял парадный обед у флорентийского «князя». На обеде, на котором «яства были все деланы с вымыслом мастерским», «пили государское многолетнее здравие, и про царицино, и про царевичев, и про царевен», а «прежде питья титлы говорили полные»: следовательно, не было нанесено урону чести Русского государства.

Особо отмечено в статейном списке все, что могло заинтересовать двор Алексея Михайловича: органы, увлечение которыми во второй половине XVII в. составляло характерную черту придворного быта, театральные представления, сады, зверинец. Поразила послов музыка: «а за тем и игр, оргáнов, кимвалов и музыки много; а иные люди сами играют в органах, а никто ими не движет; а много описать не уметь: по тому, кто чего не видал, тому и в ум не придет». «А в садах красота и благоухание ароматное, древа все кедровые и кипарисные. В феврале месяце плоды зреют: яблока предивныя и лимоны двои: одни величеством по шапке, и виноград двойной: белый да вишневый, и анис. А питья, вино церковное свежее, и белое французское, и малвазия, и аликант; а водок нет никаких, только лишь яковитка».

Особая глава «О комидиях» посвящена театральным представлениям. Незнание языка не позволило послам понять смысл театрального действия. Статейный список касается лишь внешней стороны зрелища: «перемен» и что «в переменах объявилось». «Объявились палаты, и быв палата и вниз упадет»; «спущался с неба же на облаке сед человек в карете, да против его в другой карете прекрасная девица, а аргамачки под каретами как быть живы, ногами подрягивают: а князь сказал, что одно солнце, а другое месяц». В заключение главы статейный список приводит и цену теат-

ральных постановок (8000 ефимков), очевидно имея в виду устройство подобных же представлений в Москве.

В ответ на приезд в Москву венецианского посла Альберто Вимина да Ченедда, имевшего целью заключение союза против Оттоманской Порты, в следующем 1656—1657 г. по стопам Лихачева через Архангельск было отправлено в Венецию посольство Чемоданова. Статейный список Чемоданова носит еще более официальный и деловой характер, чем статейный список Лихачева.

Испытав «волнение безмерное» и нападение «турских воровских людей», корабль с посольством пристал к Ливорно. Путешествие по Италии описано с официальной сухостью и деловитой мелочностью. Подробно изложены детали церемоний: как «честь воздавали» посольству и царю, как пили государеву чашу, сняв шляпы, как сели за стол на торжественном обеде, как жители городов, встречая посольство, кричали «виват» и т. д. Затем лаконично даются некоторые сведения о внешности виденных посольством городов и крепостей.

Одним из первых дел Ордын-Нащокина по вступлении его в управление Посольским приказом (1667), с новым общеевропейским титулом «царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберегателя», была попытка завязать торговые отношения с Испанией и Францией. Статейные списки посольства Потемкина, побывавшего сперва в Испании, а затем — во Франции, помимо официальной части — описания приемов, церемоний и пересказов произнесенных речей — заключают некоторые, впрочем самые скупые, характеристики посещенных мест. В Испании, например, посольство Потемкина посетило дворцы и сады Севильи, Мадрида, Эскуриала, которые показывал им «пристав Францышка де Лира». В заключении первого статейного списка дается подробная характеристика международного положения Испанского государства, перечисляются титулы испанских «великородных людей», в общих чертах описывается одежда испанцев, торговля, монеты, земледелие, затем характеризуются по рассказам испанские колонии и бискайская земля, в которой горы «безмерно высоки» так, что «облаки трутся об тех горах». Среди этих деловито и скупое составленных описаний встречаются кое-где и личные впечатления послов: «в испанском государстве воздух здоров и весел», испанцы «в нравах своеобычны, высоки» и т. д.

Из Испании Потемкин отправился во Францию ко двору Людовика XIV. Статейный список посольства Потемкина, дважды переведенный впоследствии на французский язык (полностью и в отрывках), еще скупее личными впечатлениями послов, чем статейный список путешествия по Испании, несмотря на то, что по французским известиям посланники просили показать им все замечательное в Париже и в окрестностях его: были в знаменитой гобеленовой мастерской, у живописца Ле-Брена, в Лувре, Винсенте, Версале, Сен-Клу, Сен-Жермене, восхищались фонтанами и присутствовали на представлениях обоих парижских театров, в одном из которых Мольер показывал им своего только-что поставленного на сцене «Амфитриона». Великолепный двор Людовика XIV в Сен-Жермене, пышностью которого французы хотели поразить русских послов, удивил их, наоборот, простотою церемоний. Гораздо большее впечатление вынесли от посольства сами французы, удивлявшиеся (в стихотворной газете) великолепию подарков, присланных Людовику XIV.

К самому концу XVII в. относится путешествие на Мальту знатного московского боярина Бориса Петровича Шереметева. Шереметев командовал против турок русским войском под Белгородом, успешно действовал в первом Азовском походе Петра (1695) и хотя отправился в Италию «по своей охоте», но неофициальной целью своего путешествия, очевидно, имел заключение против турок военного союза с «славными в воинстве» мальтийскими кавалерами. Ко времени путешествия Шереметева (1697—1699) ему было уже 45 лет, и он имел изрядный дипломатический опыт. В 1686 г. Шереметев участвовал в переговорах с польским королем Яном Собеским, а затем бывал в Вене у императора Леопольда.

Путешествие Шереметева было обставлено с чрезвычайной помпой. Он истратил более 20 тысяч рублей, тогда как обычные посольства, обставлявшиеся тоже с достаточной пышностью и отличавшиеся многолюдством, тратили не более полуторы тысяч. Шереметев, не скупясь, одаривал европейских государей, папу, кардиналов и гроссмейстера мальтийских рыцарей, нанимал сотни людей, предварительно очищавших для него дорогу в Альпах, несших его «рухлядь», служивших ему в пути, и т. д.

Описание путешествия Шереметева составлено одним из его участников с подобострастием подчиненного, следившего главным образом за действиями своего господина, отмечавшего, где он бывал «своею особою», какие боярин «изволил в том пути принимать великие себе трудности», и т. д. Описание путешествия ведет подробный счет расходам Шереметева, отмечает церемонии проводов и «визитаций», описывает прием у папы и кардиналов, у владетельных особ, у мальтийского «гранмистра». Автор точно отмечает, в скольких каретах приехали к боярину гости для отдания визитаций, где встретили боярина, до какой палаты проводили, сколько раз стреляли из пушек «для гонору боярского», кто спрашивал о здоровье, и спрашивая снимал ли шляпу, не было ли в чем урону царской чести, было ли на приемах в питье и в «канфектах» великое «укоntenктование».

Наиболее трудная часть пути Шереметева пришлось на Польшу, где худые и грязные дороги и внутренние беспорядки, причиной которых явились выборы короля, доставляли много хлопот многолюдному посольству и вынудили Шереметева «утаивать достоинство свое и имя». Несмотря на это, Шереметева встречали всюду торжественно, а в Замойске у пана Шидловского «банкетовали и танцовали часу до осьмаго ночи с паньями, которые пришли из замку от паньи подскарбиной» (графини Замойской).

В Кракове Шереметев присутствовал на торжественной мессе, в Вене был принят императором Леопольдом. Католическое духовенство усиленно ухаживало за Шереметевым, очевидно, рассчитывая получить себе в России в его лице мощного покровителя. В особенно торжественной обстановке принят был Шереметев папою, с которым как равный обменялся богатыми подарками.

Переpravляясь на Мальту, Шереметев по приглашению мальтийцев принял на себя командование мальтийской флотилией из нескольких галер. Встреча с вражескими турецкими кораблями дала повод Шереметеву выказать отменное хладнокровие, восхитившее мальтийцев.

На Мальте Шереметева встретили с необычайной пышностью: в нем видели победителя турок. Он был награжден мальтийским крестом, после чего гроссмейстер «здравствовал боярина в ковалеры» (посвятил в рыцари).

На обратном пути в Неаполе Шереметев видел извержение Везувия, подробно описанное в путешествии, и посетил иезуитскую Академию, где учащиеся поздравляли его латинскими стихами и показывали «великие игры».

Повидимому, официальная пышность путешествия Шереметева не дала возможности его участникам подробнее всмотреться в мелочи быта и жизни итальянских государств. Сам Шереметев инкогнито ездил в Венецию, чтобы видеть Венецианский карнавал, но автор путешествия его не сопровождал, и впечатления Шереметева остались для нас неизвестными.

Одно из наиболее замечательных литературных явлений конца XVII в.—дневник путешествия по Италии стольника П. Толстого, впоследствии министра Петра и следователя по делу его сына Алексея.

Будучи человеком не первой молодости (52 лет), отцом семейства и воспитанником московских порядков середины XVII в., Толстой добровольно вызвался ехать за границу обучаться морскому делу, знать чертежи, карты и «прочие признаки морские».

Толстой — первый из русских путешественников смог составить себе, благодаря знанию итальянского языка,¹ довольно точное представление об общественных и политических учреждениях, «обыкностях» и культурной жизни Италии, проявив себя внимательным, умным, патриотично настроенным наблюдателем.

Толстой беседовал с самыми разнообразными людьми, с некоторыми входил даже в дружбу, знакомился с итальянскими библиотеками, госпиталями, школами, с неутомимой энергией передвигался с места на место,— то ища встречи с турецкими корсарами, то восхищаясь «красовитыми местами»; присутствовал при судопроизводствах, ученых диспутах, религиозных процессиях; вступил однажды в спор с капитаном, когда увидел, что тот неправильно определил местонахождение судна в пасмурную ночь. Несколько раз корабль Толстого трепала буря так, что «пушками чертило по волнам морским, и вода взливалась на верх корабля от великих валов». Марцильясы, галиасы, галеры, пиоты, фрегадоны и прочие типы кораблей постоянно встречаются в его рассказе. Итальянские, голландские, а часто и русские морские термины пересыпают его повествование. После одного из плаваний в Адриатическом море, во время которого видел «много смертных страхов», Толстой получил лист, свидетельствовавший его личное бесстрашие и знание им морского дела. В этом листе капитан фрегата Каратели свидетельствовал, что Толстой «купно с солдатом [спутником Толстого] всегда был небоязлив, стоя и опираясь злой фортуне».

Там, где предшественники Толстого, Чемоданов и Лихачев, видели лишь «яблоки», на которых «написаны всех государств земли», Толстой мог определить уже «глобусы». Толстой отмечает, что непомерная жара в Неаполе происходит оттого, что он «близок к экватору»: «всего высоты на сорока трех градусах». В одном из венецианских монастырей его восхищает библиотека в 15 000 томов; он подробно описывает миланское книгохранилище и «дохтурскую академию» в Падуе, а также падуанские

¹ Толстой знал итальянский язык настолько, что отмечает в дневнике разницу в итальянских наречиях.

горячие воды, причем с похвалой отзывается о разуме «обитателей итальянских».

В Венеции Толстой обращает внимание на то, что «ученых людей зело много», а во Флоренции отмечает обилие мастеров и живописцев. Толстой касается содержания церковных проповедей, интересуется книгами. В Польше он ссылается на «гистории печатные на польском языке»; в Венеции при описании города отсылает к печатной «Венецкой истории» на итальянском языке; в Сербии, где Толстого приняли не только радушно, но и «с любовью», как русского, он обратил внимание на «церковные книги московской печати»; в неаполитанской библиотеке знакомится с книгой о Московском государстве.

Подробно описывая виденные им здания, Толстой делает правильные архитектурные наблюдения. Так, например, он отмечает сходство деталей Миланского замка с одновременной ему по построению московской Грановитой палатой. Он отмечает отличия неаполитанской архитектуры от остальной итальянской, которая «в иных местах подобится много московскому палатному строению». В описании различных диковинок и предметов искусства Толстой, больше чем его предшественники, интересуется тем, как они сделаны, откуда привезены, какой работы. В Падуе в костеле францисканцев его поразило «стенное письмо по многим местам греческой работы»; в Варшаве в королевском подворье он обращает внимание на обилие картин «итальянских дивных живописных писем». Больше всего Толстого поразили в Италии остатки античности, которые он внимательно осматривал в окрестностях Неаполя. Особенное впечатление произвели на него остатки фресок («на левкасе и на извести») в развалинах «божницы поганского [языческого] бога Каприссория»; «предивной и удивления достойной работы было то дело, и какую живностию изображены те поганских богов образы, о том подлинно описать не могу».

Настоящим знатоком показывает себя Толстой во всем, что касается внутреннего устройства помещений и одежд. Подробно описывает Толстой обивку стен и мебели, шпалеры, бархаты, галуны, бахромы, затем зеркала, фонтаны, кресла, каминны, «вещи стекольчатые», кареты, коляски и т. д. Читая дневник Толстого, удивляешься, как точно и подробно видел все детали его жадный до роскоши глаз. Восхищение Толстого вызывают и итальянские сады, на описании которых он всегда подробно останавливается, отмечая иногда, что в каком-нибудь из них он «гуляя мешкал час довольный». Здесь его внимание привлекают фонтаны, стрижка деревьев, сорта деревьев, подробно им перечисляемые («лимоны, померанцы, миндали, оливы, каштаны, персики, сливы, разных родов дули, груши, яблоки; орехи грецкие, черешни, вишни и иные всякие овощи») и т. д.

Подробно описывает Толстой быт и нравы Венеции, уличную жизнь, венецианские «остерии», каналы, от которых «дух зело тяжелый», процессии, церемонии и одежды, которые он отличает от одежд других венецианцев и французов. «Женский пол и девицы всякого чину убираются зело изрядно особою модою Венецкаго убору и покрываются тафтами черными сверху головы даже до пояса, а иныя многия убираются по-французски. В женском употребляют цветных парчей травчатых больше, и народ женский в Венеции зело благообразен и строен и политичен, высок, тонок и во всем изряден, а к ручному делу не охоч, больше заживают в прохладах». На площади св. Марка его привлекают кукольные комедии, проповеди «законников», бродячие астрологи, акробаты, знаменитые «боевые часы». Здесь же видел он человека с двумя головами, чьи «персоны»,

т. е. изображения «ныне и в России обретается немало». В игорном доме в Венеции Толстой удивился, что «играют молча, для того, что ни подбору в картах, ни обману, ни обчету в деньгах отнюдь не бывает». Заходил Толстой и во дворец дождей. Не понравились Толстому только танцы: «а танцы итальянские не зело стройны: скачут один против другого вокруг, а за руки не берут друг друга». Венецианский карнавал вызывает следующее его замечание: «И так всегда в Венеции увеселяются и не хотят быть никогда без увеселения, в которых своих веселостях и грешат много». Описав карнавал, Толстой следующим образом обобщает свои наблюдения: венецианцы, по его мнению, «ни в чем друг друга не зазирают и ни от кого ни в чем никакого страху никто не имеет: всякий делает по своей воле, кто что хочет. Та вольность в Венеции и всегда бывает, и живут венециане всегда во всяком покое, без страху и без обиды и без тягостных податей». Однако от его наблюдательного глаза не ушли и внутренние противоречия венецианской жизни. Отмечая ссоры и драки, которые часто происходят между жителями двух сторон Венеции, Толстой добавляет: «Да и нарочно венецкие сенаторы подлый народ костелянов с николиотами ссорят, чтоб они не были между собою согласны, для того, что боятся от них бунтов, и бывают между подлым народом у николиотов с костелянами великие кулачные бои».

Политическое устройство и политические учреждения иноземных государств привлекают особенно пристальное внимание Толстого. Критически относится он, например, к политическим порядкам в Польше. «Для елекции [выборов короля] через реку Вислу сделан был мост на судах, и по тому мосту стоял караул, потому что во время елекции между поляков бывают многие ссоры, ибо также и у Литвы между собою, и у поляков с Литвою бывают многие драки и смертное убийство; а больше на мосту дерутся за ссоры и за пьянство, и всегда у них между собою мало бывает согласия, в чем они много государства своего растеряли». Особенно возмущает Толстого отсутствие постоянного моста в Варшаве через Вислу. «А начальники польские,— замечает он по этому поводу,— то видя, за бездельным своим гулянием моста через ту реку под Варшавой не имеют для упокоения народа».

Дневник Толстого обильно насыщен иноземными словами и выражениями, иногда сопровождаемыми пояснениями: «фрегадон наш шел бордами, а по-галландски лавирами»; «был я на оружейном дворе, который двор по-итальянски зовется арсинал»; «невеликие штилеты подобны ножам остроколим», «фрукты, т. е. овощь», «батименты, т. е. суда», «декрет, т. е. вершение делу и указ», «вахта, т. е. караул» и т. д. Эти разъяснения и переводы представляют драгоценный материал для истории русского языка.

Дневники путешествий на Запад во многом предваряют литературу нового времени. В старые формы литературного языка и в традиционные нормы литературных жанров не укладывались новые жизненные впечатления, обильно нахлынувшие на авторов во время их трудных, длительных, а порой и опасных странствий. Эти новые впечатления встречали их во всех странах, во всех слоях западноевропейского общества — от дворов иностранных государей и до шумной толпы уличного «машкерада». Впечатления эти не были подготовлены у себя дома ни усидчивыми школьными занятиями географией, ни чтением литературы путешествий. Они и в самом деле были огулнительны и ошеломляющи. Надо было иметь необычно-

венное самообладание, чтобы систематически и литературно излагать все эти пестрые наблюдения, и, естественно, что они не укладывались ни в какие привычные формы. В языке записок смешиваются книжная речь с разговорной, славянизмы с руссизмами, иностранные слова всех европейских наций. Так же пестры эти записки и по содержанию: в них можно встретить и наивное удивление их авторов по поводу различных «кунштов», и первые попытки критически отнестись ко многим недостаткам социальной жизни виденных стран. В записках этих уже мало специфически «древнерусского». В них, может быть ярче, чем где бы то ни было, отразился переход от старого к новому.